

МИХАИЛ БУРЛЯШ

ЗАПРЕТКА

ЛЮБОВЬ СТОИТ ТОГО, ЧТОБЫ ЖДАТЬ

Михаил Бурляш

Запретка

«Автор»

2020

Бурляш М.

Запретка / М. Бурляш — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06613-7

Говорят, «сидит» — почти то же, что «умер». Но они ждут. Пишут письма. Едут на свидания за тысячи километров. Верят, когда верить уже не во что. «Запретка» — это сборник реальных историй о женщинах, которых не сломали ни приговоры, ни расстояния, ни чужие взгляды. О любви, которая не уместается ни в какие рамки — ни социальные, ни судебные. Короткие рассказы. Настоящие судьбы. Сильные женщины. Для тех, кто знает, что такое ждать. И для тех, кто хочет понять.

ISBN 978-5-532-06613-7

© Бурляш М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Судьбы	5
Комната свиданий	5
Дело было в Твери	9
Красивая жизнь Марата Бочки	12
Заочница	17
Два письма	21
Без права на любовь	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Бурляш

Запретка

*"Сидит в тюрьме" для многих звучит почти как "умер".
Но есть нечто сильнее тюремных заборов, колючей проволоки и приговоров.*

Женская любовь!

Слепая, безрассудная, нелогичная.

Но всегда искренняя.

Именно она зачастую становится единственным спасением для эков.

Спасение и незримой путеводной нитью, соединяющей с нормальной жизнью, с надеждами на будущее, с чем-то добрым и светлым, что ещё осталось где-то на задворках души.

Женщинам, которые соединили свою судьбу с заключенными, посвящается.

Судьбы

Комната свиданий

Сонечка Лисицына крутила руль и нервно поглядывала по сторонам. Навигатор вёл её в какую-то глушь. Вдоль дороги мелькали серые деревья, однобокие полуразрушенные избушки и высоковольтные столбы.

«Да уж, занесло меня сегодня», – грустно подумала Сонечка, раскуривая тонкую сигаретку. Навигатор упрямо загонял её в какую-то тьмутаракань. Впрочем, это было не удивительно, ведь Сонечка ехала в «зону». Такое вот сегодня у неё было странное задание.

Сонечка была жизнерадостной голубоглазой блондиночкой двадцати лет, достаточно смыслённой в пику всем дурацким анекдотам про блондинок.

Она работала помощником преуспевающего адвоката, к которому её пристроил папа, и заочно училась на юридическом. Адвокат особо работой Сонечку не нагружал, хотя периодически давал разные вычурные задания. Вот, например, в этот раз он отправил её в небольшой городишко за двести километров от Москвы, чтобы забрать какие-то бумаги у одного эка.

Сонечка сначала попыталась отнекаться, однако адвокат был непреклонен – мол, надо и срочно, ничего не поделаешь, а послать больше некого.

Хуже всего было то, что накануне отъезда позвонила какая-то тётка, назвавшаяся сестрой этого «клиента», и попросила захватить с собой передачку. Внутренне коря себя за слабование и неумение сказать «нет», девушка согласилась.

В итоге, с утра заехав к тётке за баулом, и из-за этого не успев выехать из Москвы до возникновения пробок, Сонечка прибыла к месту назначения только к двум часам. «А в тюрьме сейчас макароны», – почему-то вспомнилась ей фраза из «Джентльменов удачи».

Припарковавшись рядом с чьим-то покоцанным стареньким мерседесом, Сонечка с опаской вышла из машины. Её белые брючки и оранжевый шарфик заметно оживляли окружающую её серую картинку.

Прямо перед символической стоянкой она увидела неказистую пристройку, отдаленно смахивающую на здание сельсовета. За пристройкой начинался забор с колючей проволокой и торчали крыши барakov.

С трудом вытащив из багажника баул с передачей, Соня поковыляла к пристройке. Навстречу ей шел какой-то невзрачный мужчина в милицейской форме.

– Извините, – обратилась к нему Сонечка, – а вы не могли бы мне подска...

– Передачи там! – невежливо перебил Сонечку мужчина, профессионально обшарив взглядом её нарядную фигурку и ткнув пальцем в неказистую металлическую дверь.

– Спасибо... – пробормотала Сонечка вслед удаляющейся спине и потащила баул в указанном направлении.

За дверью было шумно и многолюдно. Какие-то тётки шуршали пакетами, сурового вида парни распаковывали картонные ящики с печеньем, а в углу на дорожной сумке сидела молоденькая девчушка и высыпала в прозрачный пакетик сигареты из пачек. В общем, все в полутёмной тесной комнатке были заняты делом. Все, кроме Сони.

Постояв на пороге с полминуты, Сонечка кашлянула и спросила громко:

– А кто последний передачу сдавать?...

На секунду шуршание-шебуршание стихло, все бегло взглянули на Соню – впрочем, без особого любопытства – и вернулись к своим занятиям.

Соня поняла, что надо выбрать для наведения справок кого-то одного. Поставив баул в угол и присмотревшись к окружающим, она подошла к худенькому пареньку лет двадцати пяти. Паренёк оказался вполне учтивым и объяснил Соне, что сначала надо написать заявление о приеме передачи и о предоставлении краткосрочного свидания, а потом передать его приемщице в окошечко и ждать, когда вызовут. Таков порядок, и поэтому очереди тут никакой вовсе и нет.

Образцы заявлений висели на стене. Сонечка начала писать на заранее подготовленных листах бумаги и вдруг обнаружила, что в заявлении на передачу нужно указывать полный список продуктов.

Пришлось выпотрошить содержимое баула прямо на пол, слегка отодвинув в сторону одну из чужих коробок с печеньем.

– Эй, а конфетки-то разворачивать надо, – вдруг сказала ей какая-то тётка.

– И чай надо высыпать в прозрачный пакетик, – заметила другая.

– Сигареты в пачках не возмьют у тебя, – добавила девчушка, высыпавшая сигареты в пакетик.

– А колбасу варёную вообще нельзя, – констатировал любезный паренёк.

И Соня поняла, что, похоже, влипла с этой дурацкой чужой передачкой.

...Следующие двадцать минут она разрывала пакетики и коробочки, перекладывала, сортировала, пересыпала... – в общем, шуршала пакетами, как и все остальные. Когда Соню, наконец, вызвали к окошечку, её ждал новый удар. Окошко было зарешёчено, и отверстие для передачи было таким маленьким, что половина Сониных кульков туда просто не пролазила.

Закусив губу и сдвинув мешающийся шарфик в бок, шестеря про себя утреннюю тётку последними словами, Соня начала очередную перерасфасовку. Из окошечка сурово прикрикнули, чтобы "не чухалась", от чего Сонины движения стали ещё более суетливыми и бестолковыми.

Наконец эта бесконечная тягомотина закончилась и Соню повели на свидание по длинному коридору с ядовитым давящим на глаза освещением.

Перед каждой дверью тётка в униформе останавливала Соню, нажимала на какую-то кнопку, после чего несколько секунд противно дребезжал оглушительный звонок и дверь открывалась. У Сони от этих звонков тряслись поджилки. Будучи девушкой впечатлительной и неизбалованной стрессовыми ситуациями, она вдруг представила, что её ведут внутрь навсегда, и от этой идиотской фантазии к горлу подкатила тошнота...

«Никогда, никогда в жизни больше ни ногой сюда!!!» – пронеслось у неё в голове...

Наконец двери закончились, и Соня оказалась в небольшой узкой комнате, похожей на прилавок Сберкассы советского образца.

Её впустили в левое отделение «сберкассы», где уже сидели три женщины и какой-то подросток, и она заняла единственное пустующее место напротив лысого крепыша лет тридцати пяти. Он снял трубку стоящего перед ним телефонного аппарата и жестом предложил ей сделать то же самое.

– Здравствуйте, это вы – Василий Пилипченко? – сказала Соня и тут же поняла, что ляпнула глупость. Разве могли ей на свидание привести кого-то другого?

– Так точно, милая барышня, – бодро ответил лысый. – Кого заказывали, того и получите!

– Меня зовут Соня, я от Николая Андреевича, – сочла нужным пояснить Соня. – Он сказал, что вы должны ему какие-то документы передать...

– Да, да, всё верно, – ответил Пилипченко, – их сейчас принесут. Поговорите со мной немножко, Соня, расскажите, что там сейчас «в миру» делается, как жизнь свободная протекает, так сказать.

Соня смутилась. Она не рассчитывала, что придётся развлекать светской беседой какого-то незнакомого зэка. Кроме того, после предшествующей возни с кулёчками и мешочками она была невероятно раздражена и не представляла, о чем можно поговорить.

Пилипченко как будто прочитал её мысли.

– Соня, вы только не нервничайте, место у нас тут, конечно, не особо приятное, но и не такое уж страшное. Те же люди, что и на воле, только, может, чуть менее везучие, – он усмехнулся. – Расскажите, что сейчас носят, что заказывают в ресторанах, что идет в кинотеатрах, о чем говорят на кухнях... Просто расскажите о каком-нибудь своём обычном дне – мне это безумно интересно. Ну, пожалуйста, я прошу Вас...

И Соня, вдруг как-то сразу успокоилась и начала рассказывать. Сначала неуверенно и сбивчиво, потом оживленней и подробней. Через десять минут разговора она уже весело смеялась, пересказывая сидящему напротив неё зэку забавную историю, случившуюся два дня назад в их офисе с разносчиком пиццы. Она так увлеклась беседой, что уже не замечала ни конвойных у двери, ни стекла между ними, ни треска в трубке, ни отдалённого дребезжания звонков в коридоре...

Василий слушал не перебивая.

Он смотрел на девушку, и она казалась ему глотком свежего воздуха, весточкой с воли, первым нежным подснежником среди подтаявшего грязного снега.

Разговор вычерчивался неровными штрихами, как график осциллографа. Они то смеялись, то переходили на пониженный доверительный тон, то высказывались на какие-то глобальные темы, то расспрашивали друг друга о любимых книгах и фильмах...

Соня смотрела на Василия со всё возрастающим удивлением: он был начитан, остроумен, делал интересные глубокие замечания «в тему», и даже пару раз восхитил её оригинальной точкой зрения на казалось бы банальные вещи.

– Вы такой необычный человек, Василий, – говорила Соня. – Я даже не ожидала, что с вами будет так интересно разговаривать...

– А чего ожидала? Увидеть головореза в ватнике, который через слово будет вставлять мат и по «фене ботать»? – отвечал Василий. – Эх, Сонечка, жизнь гораздо многогранней и удивительней, чем мы о ней думаем. Не суди опрометчиво...

Через час разговора они уже были «на ты», причем переход этот произошёл совершенно естественно и незаметно для обоих.

Ещё через час они уже перебивали друг друга, смеялись, шутили и говорили о каких-то совершенно немыслимых пустяках и глупостях.

Когда дежурный объявил, что время свиданий закончилось и заключенным нужно идти на проверку, Соня с удивлением обнаружила, что проговорила с «каким-то незнакомым зэком» почти три часа.

– Спасибо, Соня, что поговорила со мной, – сказал он, прощаясь. – Документы тебе дежурный на выходе отдаст, их принесли уже. Ты замечательная девушка, спасибо тебе ещё раз, я тебе желаю счастья, искренне. Николай Андреичу пламенный привет! И... знаешь ещё что... Может быть, приедешь ещё?

Женщины, подросток, дежурный, другие зэки – все уже были готовы покинуть комнатку свиданий и выжидающе смотрели на Соню: кто раздраженно и нетерпеливо, кто спокойно и равнодушно...

Соня вспомнила серую безжизненную дорогу, ведущую к тюрьме, своё раздражение из-за несуразно собранной передачи, панический ужас, вызванный тюремным звонком и захлопывающимися за ней решётками и трусливую мысль, начинавшуюся со слова «никогда...»

И прежде чем положить трубку и в последний раз посмотреть Василию в глаза, сама до конца не понимая происходящего, она ответила ему «Я приеду, Василий»...

Дело было в Твери

В самом центре Твери есть улица Трехсвятская. Небольшая пешеходная улочка, усыпанная кафешками, лавочками и магазинчиками. Когда-то давно в двух шагах от этой улицы жила девушка, которую я не забуду никогда. Звали её Лиля. У неё были огромные синие глаза и волосы цвета жемчуга. Мы с Игорем так и звали её между собой: «Жемчужина».

Слоняясь вдоль пожилой хрущевки, мы направляли в её окна солнечных зайчиков, иногда устраивая ими битвы, как в «звездных войнах». Лилька выходила к финалу битвы, обычно в светлом платье, свежая, улыбчивая и пахнувшая чем-то сладким. Втроем мы ходили в кино, покупали мороженое, гуляли по набережной и сидели на окрестных лавочках...

Игорь был из зажиточной московской семьи. Он учился в юридической академии, всегда был одет с иголочки, и в карманах у него шуршали денежки. Я был лимитой, учился в автомобиле, одет был на скорую руку, но денежки шуршали и у меня, поскольку я был нагл, сноровист и изобретателен. И всегда знал, где можно «перехватить копейку».

Мы были странной троицей. И довольно быстро примелькались в местных закусочных и кинотеатрах. Готов биться об заклад – местные бабушки-билетерши делали ставки, кого же в итоге выберет хорошенькая белокурая Лилька.

Собственно, мы с Игорем благодаря ей и познакомились.

Дело было студенческим летом 1991 года. Я вместе со своей группой ехал на летнюю практику в Усть-Каменогорск. Лиля была в нашем вагоне проводницей – и, собственно, тоже студенткой. Мы ехали в её вагоне двое суток, и подкатывать к Лиле пытались многие – девочка она была просто сказочно красивая.

В итоге, я настырно отшил всех претендентов и выпросил-таки у Лили адресок. Тут-то я и узнал, что белокурая проводница живет в Твери. Радость от обладания заветным адресом немного поблекла, когда девушка, лучезарно улыбнувшись, добавила:

– Знаешь, я уже дала свой адрес одному парню... Но так ведь даже интересней, правда?

Не могу сказать, что я был с этим согласен, но вариантов не было. Ситуация красноречиво иллюстрировала стервозную сторону Лилькиного характера – но наживку я уже заглотил...

С наступлением осени мы с Игорем столкнулись под Лилькиными окнами. Пару раз били друг другу морды, потом все-таки заключили «худой мир» и на пару слонялись под окнами кирпичной двухэтажки.

За тот год, пока мы катались из Москвы в Тверь и обратно, я успел полюбить этот славный город. Лихой и разгульный, и в то же время какой-то уютный и «свойский».

Однако история, начавшаяся как милый водевиль, закончилась трагедией.

Как-то я получил хороший «навар» от продажи вареных джинсов и решил прокутить свои барыши с любимой девушкой – ну и ее вторым ухажером, куда же без него. Договорившись однажды «не ухаживать за Лилькой поодиночке», мы строго следовали своей полудетской клятве. Такой у нас был кодекс чести.

И вот, залихватски подкатив к Лилькиному дому на такси, мы принялись истово сигналить. Лилька вышла нарядная, в белой блузке и модных тогда «мальвинах», и мы помчались в ресторан. Название кабака за давностью лет стерлось из моей памяти, а вот события того вечера помнятся хорошо. Как будто все случилось вчера.

Мы зашли в ресторан, демонстративно показывая, какие мы крутые. Игорь еще днем заказал столик, лично зайдя в кабак и сунув официанту четвертак. Поэтому встретили нас как королей. Мы понаказывали всякой всячины, красуясь перед Лилькой, а когда нам принесли бутылку дорогущего шампанского, я сунул ей небольшой пакетик и сказал: «Иди переодевайся». Лилька посмотрела на меня с недоумением, но женское любопытство победило, и она побежала в «дамскую комнату».

Пока её не было, в ресторан вошли три парня в спортивных костюмах с вызывающе толстыми золотыми цепями на шеях. Вальжной походкой хозяев троица прошла к столику слева от сцены. В это время на сцене как раз настраивались музыканты. Один из них тут же спрыгнул и пожал им руки, чуть склонившись перед тем, у которого вместо спортивных штанов были черные джинсы, как будто признавая его главенство и власть.

– Не знаешь, что за «спортсмены»? – спросил Игорь.

– Откуда, – удивился я, – по виду братки какие-то. Может, местные гангстеры?

Парни сделали заказ стремительно подбежавшему к ним халдею и принялись рассматривать публику. В этот момент из дамской комнаты выпорхнула сверкающая улыбкой Лилька в ультрамодной джинсовой мини-юбке, которую я привез ей в подарок.

Распрямив плечи и выставив грудь вперед, она была необыкновенно хороша! Свободная строгая белая блузка и красивые длинные ноги, открытые почти полностью, смотрелись весьма контрастно, соединяя в её образе ангельское начало и почти звериную сексуальность. Вдобавок ко всему Лилька распустила волосы и вместо конского хвоста, с которым мы впервые увидели ее в тот вечер, её хорошенькую головку обрамляли пушистые жемчужные локоны, превратившие её в шикарную русалку, сошедшую с картины Васнецова.

Мы с Игорем обалдели. Даже привыкнув к Лилькиной красоте, мы всё же были ошарашены её бомбическим превращением. Лилька победно смотрела на нас с другого конца зала, упиваясь произведенным эффектом.

Когда она, наконец, двинулась в нашу сторону, её перехватил один из «спортсменов», сидящих у сцены.

– Эй, блондиночка, не проходи мимо, – хмыкнул он, цепко схватив Лильку за запястье.

Мы с Игорем переглянулись и, не сговариваясь, вскочили. Да так резво, что стулья, на которых мы сидели, отлетели в стороны. За секунду домчавшись до столика «гангстеров», мы грозно встали у Лильки по бокам.

– Девушка с нами, – сказал я спокойно, но угрожающе.

Качок отпустил руку, медленно встал из-за стола и, выставив челюсть вперед, промычал:

– Чё?! Что это за гномы тут объявились у моей Белоснежки?!

Он двинулся было ко мне, но парень в черных джинсах остановил его окриком:

– Сядь!

Потом посмотрел на нас троих оценивающим взглядом и сказал:

– Идите ребята, Серый пошутил... Правда, Серый? – обратился он к качку.

Качок насупился и отвернулся. Инцидент казался исчерпанным, и мы вернулись за свой столик с нашей главной добычей – с красавицей Лилькой.

Игорь сразу же предложил уйти из этого злочного места и поехать куда-нибудь ещё, но мы почему-то остались. О чем потом не раз жалели... В воздухе искрило. Троица в спортивных костюмах постоянно пялилась в нашу сторону, во все глаза разглядывая Лильку. А примерно через полчаса со стороны их столика раздался звон битого стекла – кто-то из них бросил рюмку в официанта, чтобы тот быстрее подошел за заказом. Надо ли говорить, что тот вечер закончился дракой?

Впрочем, началось всё достаточно мирно.

На сцену вышла певичка в блестящем платье и спела пару бодрых танцевальных хитов, под которые подвыпившая публика с удовольствием размялась. Потом гангстер в черных джинсах подошел к певице, что-то шепнул ей на ухо, скинул спортивную куртку и медленно двинулся в нашу сторону.

Как сейчас помню эту картину. Атлетически сложенный мужчина в черном пружинистой походкой идет по ресторану под плаксивый тягучий проигрыш. Подходит к нашему столику, иронично склоняет голову и говорит:

– Простите, парни, хочу у вас ненадолго похитить эту очаровательную фею. Вы позволите, миледи? – и, не замечая нас, он смотрит горящими глазами на Лильку.

Испытывая непреодолимое желание врезать варягу, мы с Игорем с изумлением видим, как Лилька – наша Лилька! – растягивает губы в улыбке и подает свою нежную ручку этой обезьяне.

Они удаляются в центр зала и танцуют медляк под щемящий вой подражающей Тане Булановой певицы:

– Не плачь, всего одна осталась ночь у нас с тобой...

Эта картина будет стоять у меня перед глазами до самой смерти. Изящная белокурая красавица в белой рубашке и коротенькой юбке, едва прикрывающей длинные ноги, и черная мужская фигура, тесно обнявшись, качаются в свете туманных огней Тверского кабака...

Потом, конечно, было всё. Наши упреки, Лилькин смех, ирония неизвестного нам парня в черном, сквозившая в его взглядах и жестах и, наконец, словесная перепалка с его «свитой», закончившаяся дракой на улице, в которой Игорю порезали руку ножом, а мне разбили бутылку о голову. Напоминание об этой бутылке я до сих пор ежедневно вижу в зеркале...

В тот вечер Лилька уехала со своим новым знакомым и больше в нашей с Игорем жизни не появлялась. Отвалявшись сутки в Тверской больнице «скорой помощи» мы с ним вернулись в Москву. Игорь дозвонился до неё на третий день. Лилька сказала что-то вроде: «Мальчики, вы такие хорошие, мне было с вами очень весело, но теперь у меня другая жизнь, не звоните мне больше и не приезжайте!» И повесила трубку...

С Игорем я изредка вижу и сейчас – когда захожу в его пафосный ресторан на Арбате. Мы говорим о жизни, о музыке, о политике, о высокой кухне. И никогда – о том, как через год после всей этой истории, в августе 1993-го, Лильку застрелили выстрелом в голову вместе с тем самым «парнем в черном» в его загородном коттедже где-то на окраине Твери.

Красивая жизнь Марата Бочки

С осени пошел седьмой год как Марат числился кладовщиком при пищеблоке. Там, собственно, к нему и приклеилось прозвище «Бочка», практически вытеснив предыдущее – «Цыган». Марат дневал и ночевал в складской каптерке, почти не бывая в своём бараке. За шесть лет соседства с продуктами у него на талии вырос «пояс сытого шахида», как шутил он сам, однако темные круги под жгучими черными глазами выдавали хронический недосып.

В последнее время Марат всё чаще вспоминал одну известную сказку Гауфа. Стоя у единственного окна продуктового склада, он смотрел на растущую за окном берёзку и думал: «Ну что, кудрявая, седьмой год пошел, как я тут «в белках»...

Параллель с Карликом Носом прослеживалась прямая. Собственно, и закрыли его практически за то же самое. Только, в отличие от сказочного мальчика, Марат потащил старушкину сумку не к ней домой, а к себе в машину. В сумке тоже была «капуста», но вовсе не с рынка, а из банка, куда старушенция, сгибаясь под тяжестью бабла, несла полученные за московскую квартиру деньги... И за что только Марату заломили такой срок? Никого не убивал, не калечил, не подвергал насилию. Всего-то делов – грабанул пенсионерку, которую всё равно бы обобрали – если не собственные внуки, так мошенники, торгующие модными БАДами.

Так размышлял Марат Бочка, а берёзка качала косматыми ветками в такт его мыслям. Странно, но его единственным другом в зоне стало именно это дерево, вольготно раскинувшееся над приземистым зданием столовой, откровенно наплевав на все правила внутреннего распорядка. Глядя на берёзку, он с горькой иронией проводил параллель всё с тем же сказочным персонажем, умудрившимся подружиться с говорящей гусыней. Впрочем, в отличие от гусыни, берёзка дружила с Маратом молча.

Вот и сегодня он, как обычно, смотрел в окно, прислушиваясь к раздававшимся с кухни голосам.

– Ты охренел что ли, столько картошки сыпать в котёл? – кричал кому-то во всё горло старший повар. – На один котёл не больше полмешка! Я тебе вобью науку в голову, дебилоид!

Послышался звонкий удар, как будто с размаху шлёпнули пятернёй по уху, мужской вопль и нецензурная брань.

Марат вздохнул и отвернулся от окна. Реальность была не сказочная...

Столовка была местом, которое никогда не спит. По ночам готовили завтрак, по утрам – обед, днем – ужин. Вечером завозили продукты и выдавали их же на следующий день. В общем, жизнь кипела и бурлила, как суп в варочном котле.

Помимо производственных проблем, типичных для любого общепита, на местный «кantin» накладывали жесткий отпечаток почти армейские зоновские распорядки, а также специфика «контингента». Повара регулярно бегали на проверку, частенько забывая вернуться, периодически напивались, а иногда даже устраивали поножовщину прямо на рабочем месте. Зэки воровали посуду, свинячили, хамили стоявшим на раздаче – и даже, случалось, били – и постоянно жаловались во все инстанции на отвратительное питание.

Но всё это были цветочки по сравнению с тем, что творилось у Марата в душе. Суровый, но с юморком дядька, по любому поводу готовый сыпать шутками-прибаутками и запросто способный отвесить оплеуху зарвавшемуся «коллеге», внутри всерьёз тосковал. За ежедневной суетой терялось что-то главное; да вроде и грустить было некогда, но когда он оставался один, из души вырывалась такая боль, что хотелось наложить на себя руки.

Шесть лет бесконечного кухонного шума, ругани, громохання тарелок и вытяжки сливались в какой-то бессмысленный гул. Ему казалось, что «в белках» он уже вечность, у которой нет начала и не будет конца.

Спасала берёзка. Летними ночами он слушал её шорохи и вспоминал детство. Каждое лето он проводил в деревне, в приземистом кирпичном домике у берёзовой рощи. Берёзка за окном вытаскивала из памяти всё то, что было напрочь забыто: утренние деревенские туманы, парное молоко, походы с бабушкой в рощу за подберезовиками, шелест дождя за окном и стук яблок, падающих прямо на крышу...

Когда-то суета столичной жизни затмила эти лёгкие воспоминания, закрутила парня, втянула во всеобщую гонку за красивой жизнью и большими деньгами. Устроился барменом в модный клуб, спекулировал алкоголем, развлекал и продавал «из-под прилавка» – крутился, в общем. Однако на желаемый уровень жизнь не тянула.

Заводил десятками знакомства с «лёгкими» девочками; с пятёркой самых понятливых замутил небольшое «деловое партнёрство». Когда за стойкой оказывался денежный клиент без эскорта, щедро подливал ему в бокал, вызывая одну из «пятёрки» для дальнейшей обработки. Девчонки делились, но и этого не хватало.

Фортуна усмехнулась, когда Марат познакомился с девушкой из банка. Парень он был красивый и, что было гораздо хуже, знал об этом и умел пользоваться своей мужской привлекательностью. В совершенстве владел набором обаятельных улыбок, волнующих прикосновений и недорогих эффектных жестов. И когда подвернулась влюбившаяся в него по уши Ленок, он решил, что судьба подарила ему шанс перепрыгнуть сразу через несколько ступенек.

Как пишут в сентиментальных романах, милая барышня полностью доверилась хулигану и проходимцу. Впрочем, справедливости ради стоит признать, что Марат по-своему привязался к девушке, и не исключал Лену из планов дальнейшей жизни. Но пока эти планы медленно зрели в его голове, он сделал из неё наводчицу.

Первое «дело» сошло ему с рук. Когда девушка сболтнула, что один из клиентов открыл счет для продажи элитной квартиры, Марат выпросил у неё все мельчайшие подробности. Пожилой мужчина, давно живший в другой стране, приехал в Москву, чтобы продать квартиру в одном из самых престижных районов города – на Таганке. Лет десять в ней жили постояльцы, приносившие ему неплохую прибыль, однако ситуация изменилась и он решил продать недвижимость, на свою беду разоткровенничавшись с симпатичной банковской служащей.

И всё бы ничего, не пожелай он перевести деньги в наличную валюту. В век интернет-технологий и виртуального банкинга это выглядело нонсенсом, однако мужчина был немолод и хотел подержать в руках чемоданчик с баксами. Это странное желание его и подвело.

Когда покупатели перевели деньги за квартиру, он пришел в банк, чтобы заказать наличные. Такие суммы в кассу привозили только под заказ. Лена, естественно, проболталась Марату, и в этот день он с самого утра сидел в машине напротив банка, высматривая «объект».

Когда элегантный мужчина с чемоданчиком вышел на улицу и сел в машину, Марат поехал за ним, лихорадочно соображая, как ему лучше поступить, и умоляя воровского бога подкинуть ему удобный случай.

В тот день удача была на его стороне. У «клиента» кончились сигареты. Отправляться за деньгами в одиночку и с пустой пачкой было непозволительным легкомыслием. То ли голова у человека была занята другим, то ли лишила бдительности расслабленная жизнь в Европе – но в районе Рогожской заставы мужчина свернул на тротуар, вышел из машины и побежал к табачному ларьку за сигаретами, не закрыв машины – ведь на минутку же.

Тех секунд, пока он разговаривал с продавщицей, Марату хватило, чтобы подбежать к его машине, открыть переднюю дверь и вытащить кейс с деньгами с пассажирского сиденья. Когда мужчина повернулся, чтобы взглянуть на машину, Марат уже захлопывал дверь своего неприметного «Вольво» с заляпанными грязью номерами и выжимал педаль газа, чтобы сдать назад.

Проезжая мимо только что ограбленной машины Марат бросил секундный взгляд на жертву – седой мужчина с донкихотской бородкой открывал дверь своего «Фольксвагена» с

сигаретой во рту. На его лице читалось умиротворение. «Курить вредно, дядя», – ехидно подумал Марат, всё ещё не веря своему счастью.

После этой головокружительной операции они с Ленкой целый год жили как жуиры. Смачное словечко где-то откопала Ленка; Марату оно так понравилось, что он вставлял его в свою речь по любому поводу. Случалось, он сдергивал со спящей Ленки одеяло где-нибудь в отеле на Мальте и весело кричал: «Эй, журиха, подъем! Пора прожигать жизнь!»

– И всё-таки у красивой жизни грязная изнанка», – думал Марат, мысленно обращаясь к березке. – Но хоть вспомнить есть что».

Для Ленки история с ограблением не прошла бесследно. Когда Марат принес домой чемоданчик с деньгами, с ней случилась истерика. – Ты сошел с ума! – кричала она. – Это же преступление, нас посадят!

Но никто никого не посадил, обошлось. Правда, в банк приходил следователь, но Лена, наученная Маратом, на все вопросы отвечала спокойно и отстраненно. В криминальных сводках мелькнула пара сообщений, но так как грабителей не нашли, история быстро забылась, так и оставшись трагедией одного человека.

Пару месяцев спустя Ленка уволилась из банка, и они с Маратом на полгода укатили в путешествие по Европам и Америкам.

А через полгода жуирской жизни Марат заскучал. – Ленка, а давай ресторан в Москве откроем? – предложил он своей «Бонни» в один из вечеров где-то на тропическом побережье.

Ленка только вздохнула. Ей хотелось спокойной жизни, семьи, ребёнка. И чтобы всё это с Маратом, но без криминала.

– А у нас есть на что? – поинтересовалась она в ответ.

Денежки, в начале казавшиеся неиссякаемыми, почему-то подходили к концу...

Вернулись в Москву, в привычный ритм. Старый приятель взял Марата в клуб управляющим, и он возобновил дружбу с «пятеркой», из которой в деле фактически осталась лишь «тройка». Лена, с месяц походив по беседам, устроилась в солидный коммерческий банк.

Жизнь казалась стабильной, но пресной. Лена работала, радуясь тому, что «всё налаживается», а Марат высматривал новую жертву. Он всерьез подумывал открыть в Москве свой ресторан – а удовольствие это было не из дешёвых.

Полгода прошли впустую. И вдруг однажды за ужином Лена обмолвилась, что в банк приходила забавная старушка открывать счет. Мол, хочет продать квартиру в центре и переехать к сестре во Владимир – старая стала, тяжело одной.

– Такая интересная старушенция, – щебетала Ленка, накрывая на стол. – В кружевном воротничке, с брошью. Прическа пышная. На вид – не больше шестидесяти, а по паспорту знаешь сколько?

Марат внимательно слушал рассказ подруги, а когда она замолчала, задумчиво спросил: – А когда, ты говоришь, у неё сделка по квартире?

Лена взглянула ему в глаза и побледнела: – Марат, даже не думай! Я каждый день благодарю Бога за то, что в прошлый раз обошлось! Давай жить как нормальные люди, без приключений вот этих вот твоих...

Она говорила и говорила – и даже плакала, но разве устоять податливой влюбленной девушке перед обволакивающим взглядом чёрных глаз, за которые потом Марата в СИЗО прозвали цыганом?

Казалось, Марат продумал всё, но только фарта ему в этот раз не было. Воровской бог, похоже, отвернулся. Не зря бандиты и воры свечки в церкви ставят после удачного дела. Да и на благотворительность обычно не жалеют: украл – поделись с нищим и убогим, иначе фарта не будет. Примета такая.

Марат же, выскочка и кустарь в гоп-стопе, примет не знал и весь свой большой куш профукал, прокутил с бабой. Потому и не стало ему везения. Это ему потом знатоки воровской этики растолковали. Да только толку-то?..

В общем, старушенция оказалась с фронтальной закалкой и железной хваткой. Хоть и одна с деньгами в банк шла, да не растерялась – когда Марат попытался выхватить у неё ридикюль, вцепилась в него намертво и кричать начала. В конце концов, он выдернул добычу и побежал туда, где стояла его машина, но какой-то мальчишка, насмотревшийся, видать, сериалов про благородных ментов, бросился ему прямо под ноги, и Марат упал.

На старухины крики уже бежал патруль из молоденьких пацанов, гоняться с которыми на перегонки у Марата тупо не хватило дыхалки...

В общем, банально, глупо и пошло закончилась мечта о собственном ресторане. Вместо собственного шикарного заведения Марат получил от судьбы грязную столовку в ИК, где месяцами стояли запахи прокисшей капусты и тухлой рыбы. Единственное, за что он был этой судьбе благодарен, так это за то, что Ленке удалось выйти из нехорошей истории без уголовных последствий...

«Где-то она сейчас?» – думал Марат, глядя на берёзку, тёмным силуэтом нависающую над лагерным общепитом.

Ленка ездила к нему два года, словно верная жена, прожившая с ним в браке двадцать лет. Свиданки, передачи, посылки, поддержка, общие мечты и планы начать новую жизнь.

Когда он осознал, что она нужна ему больше, чем он ей, Ленка вдруг пропала. Через пару месяцев от неё пришло коротенькое письмо, в котором она просила «понять и простить».

С той поры Марат затосковал. Да так, что не помогало ничего. Ни круглосуточная работа, ни книги, к которым он в какой-то момент пристрастился, ни общение с «коллегами». Кое-кто из последних советовал «завести заоху для грева», но Марату претила эта мысль, и он оставался один.

Бочка и сам не заметил, как единственным собеседником, с которым он, случалось, откровенничал, стала березка за окном. Стоя ночью у окна, он, бывало, первым начинал разговор.

– Ну что, лохматая? Не спится, как и мне? Всё листики полощешь – думки думаешь? Не нужны мы с тобой никому...

Дни шли за днями, ночи за вечерами, за летом осень. Однажды в столовку нагрянула очередная комиссия. Недавно назначенный на большой ФСИНовский пост чиновник ходил по кухне и тыкал во все пальцами-дутиками.

– Что это у вас тут за грязь? Почему мясо не в холодильнике? Почему повар без колпака? Где противопожарный щит? А это что? А куда отходы сливаете? А кто за склад отвечает? Где храните посуду? А почему крупы не подписаны?

При каждом движении рта на румяных щеках чиновника пружинили складки. Кое-кто из столовских новичков вздрагивал от визгливых окриков очередной «шишки», но большинство лишь едва заметно морщилось, как от ноющей зубной боли. К проверкам и комиссиям народ тут был привычный и давно уже выработал иммунитет против начальственных истерик.

Марат наблюдал за дерганой фигурой издали, подойдя, когда подозвали. Чиновник побрызгал слюной, поругался, дал несколько указаний и вышел в сопровождении штабной свиты. – Тебе бы на телеканал «Пятница», дядя, сделал бы шикарную карьеру, – подумал с иронией Марат.

...На следующее утро Бочку разбудил звук работающей бензопилы. Потянувшись, он неспешно встал с самодельного лежака, устроенного прямо в складской каптерке, глотнул из кружала вчерашнего холодного чая и подошел к окну. То, что он увидел, мгновенно согнало с него остатки сна. Несколько человек пилили березку – пила мелькала уже где-то в середине ствола.

Выскочив на улицу, Марат закричал:

– Стойте! Вандалы! Что вы творите?! Кому березка то помешала!?

Пила замолчала. Мужики молча повернулись к Марату, и один из них сказал без всякого выражения:

– Вчерашняя комиссия сказала спилить. Вроде как корни фундамент разрушают...

Подождав несколько секунд, мужики в робах снова взялись за работу.

Марат стоял в стороне и, закусив губу, наблюдал за тем, как пила деловито снует по белоствольной. Через пару минут раздался треск, и дерево медленно свалилось на землю.

– Ты где там, Марат? Пора обеденную продуктовку выдавать, – прокричал с крыльца дежурный повар.

– Ну, вот и всё, кудрявая, – подумал Марат, отворачиваясь. – Теперь у меня совсем никого не осталось.

– Только ты сам... – прошелестели в ответ поникшие березовые ветки, но Бочка не услышал – он уже отвечивал норму.

Конвейер зоновского питания не имел права останавливаться.

Заочница

...Валентин уже два месяца ходил загадочный. То улыбался без причины, то отвечал невпопад. Соседи по бараку не обращали на это внимание, хотя налицо были все признаки того, что у Валентина наконец-то появилась женщина. Какая-то милая заочница. Подруга по любовной переписке. Свободная женщина из свободного мира.

Так и было на самом деле. И Валентину безумно хотелось поделиться своей радостью, но он не решался пока ничего рассказывать – боялся сглазить. Женщина ему попалась крайне приятная – разведенная, добрая, ласковая. Письма писала сплошь любезные и заманчивые. Вот только роман их был в самом начале, и хвалиться пока особо было нечем, да и незачем.

Да, собственно, и рассказать про такое можно было разве что Колюхе. Был такой у Валентина приятель в бараке. Не то, чтобы прямо кореш не разлей вода, но вроде достойный мужчина – языком не трепал, советы давал дельные, денежку иногда по мелочам одалживал. С ним можно было поделиться любыми, самыми конфиденциальными сведениями, не боясь, что растреплет или посмеётся.

Вот только в этот раз Валентин делиться своей сердечной тайной не спешил. Дело было в том, что Колюха при всех своих явных достоинствах имел одну малосимпатичную черту – не любил женщин. И не в том смысле не любил, в каком их не любят особи нетрадиционной ориентации – с этим-то как раз всё в порядке у него было – а в том смысле не любил, что считал их всех никчёмными склочными созданиями, которые нужны на свете только ради одной цели. То есть для него не существовало таких понятий как «женщина-подруга» или «женщина-друг», сама возможность таких отношений он отрицал напрочь.

Поэтому-то и не спешил Валентин делиться радостью. Уж очень понравилась ему Елена, хоть и не видел он её ещё пока. По одним только письмам уже готов был влюбиться. Но до конца уверен не был. Мало было у Валентина опыта с женщинами.

– Эх, посоветоваться бы хоть чуть-чуть, поговорить бы, – думал он, поглядывая на Колюху.

И тут же сам себе отвечал:

– Нет, не поймёт Колюха, засмеёт. Или хуже того – испортит всё, наговорит гадостей всяких...

Вот так и ходил уже третий месяц. Улыбался без причины, отвечал невпопад. А рассказывать ничего не рассказывал. И вот в начале четвёртого месяца Колюха сам завёл разговор на волнующую Валентина тему.

Дело было вечером. Они пили чай, обменивались байками и обсуждали последние тюремные новости.

– Ну что, Валь, когда про невесту-то расскажешь? – вдруг ни с того ни с сего спросил Колюха.

Валентин аж чаем чуть не поперхнулся от неожиданности.

– Ты с чего это взял вообще?.. – проямлил он. – Какая ещё невеста?..

– Да ладно, не прикидывайся шлангом. У тебя ж все по лицу видно, слишком ряха мечтательная последнее время стала... рассказывай, не дрейфь, отговаривать не буду, – и Колюха ободряюще подмигнул.

Валентин не знал, что и думать. Как то не похоже это было на Колюху.

– Ну, вообще-то, да. Переписываюсь тут с одной, – начал он и запнулся.

– Валь, ты не напрягайся. Не хочешь рассказывать – клещами вытягивать не буду. Только у тебя на лице написано, что хочешь поговорить, – Колюха достал сигаретку и прикурил, глядя на Валентина снисходительно, как на малого ребенка.

– Коль, ты понимаешь, в чем дело, я же серьезно хочу. Чтобы семья была, дети может... Чтобы не просто время скоротать, а по настоящему чтобы всё... – Валентин говорил и понимал, что ему не хватает слов, чтобы выразить свои мысли. Но процесс уже пошёл, ему хотелось выговориться. – Я знаю, у тебя бабы доверием не пользуются, но это твое личное дело, я тебя переубеждать не собираюсь. Только мне кажется, что все-таки есть порядочные женщины, с которыми можно построить нормальные отношения и жить душа в душу. Почему нет? Вот объясни мне, неужели лучше одному быть, такой угрюминой никому не нужной? Не понимаю я тебя, честно...

Валентин и сам не заметил, как разговор перешёл на Колюху. «Ну вот, хотел посоветоваться, а сам к нему в душу лезу», – с досадой подумал он про себя.

Однако Колюха ни огрызаться, ни увильнуть от темы не стал. В этот вечер у него было лирическое настроение, и он видимо решил позволить себе некоторую откровенность. Выдохнув к потолку струйку дыма, он заговорил, чуть понизив голос.

– Понимаешь, Валь, натерпелся я в свое время от баб. И ведь любил, и цветами заваливал, и в окна лазил, и ванны шампанским наливал, и безделушки дарил дорогие... И хоть бы одна этого стоила! Ни одна, чтоб я сдох! Все корыстные, жадные, хитрые, холодные внутри...

– Может, ты просто не тех выбирал? – попытался было встрять Валентин, но Колюха его даже не услышал, видимо ему тоже хотелось выговориться в этот вечер.

– А самая бесчеловечная баба досталась мне в жены... Ты знаешь, Валь, я ведь даже и не заметил, как оказался с кольцом. Окрутила за считанные месяцы. А я тогда такой дурак был, как телок сам в загон пошёл... Уж больно она мягко стелила, понимаешь? «Коленька, Коленька», сюськи-пуськи там всякие... Ну и купился я. Прямо на крыльях домой летал, пылинки сдувал, чуть ли не на посылках у неё был. И не заметил, как уже и квартирка на ней оказалась, и машина новая, и украшения какие-то немислимые. А я всё как ханурик в старом костюмчике ходил, всего три рубашки в шкафу висели. Эх, Валька, где были мои глаза!

Колюха кинул потухший бычок в консервную банку, закурил ещё одну сигарету и продолжил.

– Вот ты думаешь, я всегда был таким обшарпанным эком? Прямо вот уголовником законченным? Таким ворчливым заскорузлым женоненавистником? Да был и я человеком, Валь, нормальным, причем. Чиновничком даже мелким какое-то время в земельном комитете работал. Причем вкальвал там чуть ли не круглосуточно – то на шубку новую зарабатывал, то на поездку в Сочи ненаглядной жёнушке.

А когда меня потихоньку по службе двигать начали, вместе с моими карьерными шагами и запросы у неё начали расти. Я ей: «Давай, Алёнушка, ребёночка заведем». А она мне: «Не время, Коленька, надо квартирку сначала побольше нам, а то детишечкам бегать негде!» Я ей: «Давай вместе в отпуск поедем летом», а она мне: «Ой, у меня аритмия, мне врачи рекомендуют на тёплые моря весной и осенью ездить»... Это потом я уже узнал и про то, что она два аборта сделала, пока мы вместе жили, и на морях своих не аритмию лечила, а одно место тешила. А тогда наивный был, влюбленный.

Но только рухнуло всё в одночасье. Стал я по командировкам мотаться, денег не хватало вечно, как в бездонную бочку все куда-то утекали. Ну и прямо как в анекдоте всё получилось про то, как «уехал муж в командировку». Только я как раз не уехал. Рейс отменили, а пока сидел и ждал в аэропорту, обстоятельства изменились.

Прикинь, Валь, сижу я в зале ожидания и вдруг слышу, как по громкой связи объявляют «Николай Бондарев, подойдите к стойке дежурного». Подхожу, а мне там, на стойке этой говорят: «Звонили из городской администрации, просили разыскать Вас и попросить, чтобы Вы перезвонили руководству». У нас тогда земком к горсовету относился. Перезваниваю, а мне говорят: «Петрович, командировка отменяется, молодец, что не улетел, давай срочно приезжай на работу». Чудаки, как бы я улетел, интересно, с отмененным-то рейсом!..

Ну вот, приехал на работу, совещание у нас там какое-то важное было с областными партийцами по стройке одной. А когда закончилось – сразу домой помчался. Звонить не стал, подумал, вот Алёнушка моя удивится и обрадуется, командировка-то ведь на неделю почти планировалась.

Цветы ей купил, как дурак, а ведь мы к тому времени уже года четыре как вместе прожили. Открыл дверь, вошёл, слышу, в ванне вода льётся, и поёт она вроде как. Ну, думаю, наверное, под душем стоит. Разделся совсем, понимаешь, Валь, всю одежонку свою прямо на пол скинул, взял букет этот дурацкий – как сейчас помню, ромашки это были, крупные такие, целая охапка – и пошел в ванну.

Распахиваю дверь, а она там... С мужиком с голым. Прямо под душем спариваются, суки... И я тоже голый, с ромашками этими прямо в дверях стою... Сцена конечно зае...сь получилась, не приведи Господи...

Колюха закурил третью сигарету подряд и надолго замолчал. Николаю страсть как хотелось узнать, что же было дальше, но он боялся прервать молчание. Уж слишком необычной была эта внезапная откровенность. Не водилась за Колюхой привычка сентиментальничать, и выудить из него какую-то личную информацию было просто невозможно.

Молчание затягивалось, и Валентин не выдержал.

– А чё дальше то было, Коль?..

– Дальше, дальше... Думал убью обоих, но сдержался как-то. Только ударил этого разок... Так, что упал он. Нogu вроде сломал, не помню уже точно. Собрал вещи, ушёл, подал на развод. Пил какое-то время. С начальником мне повезло, Валь, хороший был человек, царство ему небесное. С пониманием отнёсся, поддержал, отпуск дал, в санаторий чуть не насильно отправил, комнату в общежитии выбил. В общем, выкарабкался я кое-как, только сердцем огрубел. Она ещё пару раз приходила, назад просилась – даже разговаривать не стал с ней, так опротивела. Все бабы из-за неё, гадуки, опротивели, понимаешь, Валь?

Ну а потом понеслось. Надо было как-то обживаться заново. Решил на квартиру заработать, стал взятки брать, когда предлагали. А потом не только брать, но и вымогать. На квартиру-то сколотил, только влип в пару историй нехороших с земельными аферами. А в итоге вообще за мокруху сел. Подставил меня один деляга, да так, что со службы враз поперли... Пошёл разбираться с ним, да не сдержался, дал по морде. А он возьми да упади головой на бетонный выступ... Вот так, считай, из-за одной бабы дурной вся жизнь под откос пошла...

Колюха почесал затылок и взглянул на Валентина:

– Ну, ты чё загрустил-то, кореш? Старая это история, лет пятнадцать уже прошло. Быльём всё поросло. Понял я, наконец, что есть и нормальные бабы, Валь, есть они. Не просто сучки, Че-ло-ве-ки... Вот, Андрюха, который со мной на сборке работает, уже три года с одной кружится... И ничё, нормальная баба, душевная, передачи возит, поддерживает его, как может. Сына одна воспитывает, мать-старуху на себе тянет, а теперь и Андрюху вот ещё. На двух работах работает, шитьё какое-то домой берет, чтобы лишний раз побаловать его и своих...

Знаешь, Валь, он мне тут вчера такое рассказал, что у меня как будто перевернулось что в душе. Или, может, на место встало? Как будто вывих какой-то вправился. Ходил он на свидание с ней на прошлой неделе. Говорит, как обычно всё, встретились с радостью, обнялись, поцеловались...

Вкусностей она ему всяких на стол повыставляла, гостинцев разных. Только, говорит, смотрю, она всё руки от меня прячет. И так к ней и сяк – прячет. Ну, в итоге, конечно, показала ладони ему. Он как глянул – а они все в мозолях, просто, говорит, в нереальных в каких-то. Стал спрашивать – она в слёзы. Успокоил, приласкал как мог, выплакалась она и рассказала, что одна знакомая позвала её к каким-то богатеньким «на теплицу» съездить, к весне землю вскопать и клумбы оформить. Денег за два дня работы пообещали – больше, чем она за месяц зарабатывает.

Конечно, согласилась она. Вот только хоть и так работает с утра до ночи, но всё-таки дама-то городская, к физическому труду непривычная. Перчатки взять не догадалась, и уже к концу первого дня все ладони в кровь стёрла лопатой... На второй день еле встала – спина не разгибается, руки болят. Так она зубы стиснула, ладони забинтовала и опять «на теплицу» эту поехала.

Ты понимаешь, какая баба?! Андрюха как понял, что деликатесы все эти, на столе стоящие, она кровью своей для него заработала, бухнулся, говорит, ей в ноги и давай целовать их, мол, недостоин я тебя, сижу на шее у тебя, на хлебник, уголовник хренов, себе жизнь загубил и тебе гублю. А она подняла его и говорит «По душе ты мне пришёлся, Андрюша, человека в тебе увидела, теперь уж дальше только вместе нам, без тебя уже никак мне»...

Вот какие бабы есть, Валь, и ведь совсем где-то рядом с нами. Чем-то прогневал я Бога, наверное, что мне только гадюки в юбках встречались бездушные...

Они ещё помолчали, каждый о своём.

– А что с женой твоей потом было, Коль? – задумчиво спросил Валентин, ещё под впечатлением от рассказа – и про любовь Колькину растоптанную, и про завидное счастье Андрюхино.

– С женой-то? Да давно уже не жена она мне. И, наверное, и не была никогда. Слышал, что замуж ещё дважды выходила, последний муж ей вроде как по пьяному делу нос сломал... Нет мне интереса за жизнью её следить, Валя, свою хочется отстроить, наладить хоть как-то... Ведь на свободу через полгода уже... Да и что мы всё обо мне да обо мне, а? Лишнего я тебе тут сболтнул чуток, ты уж не пыли, смотри. Лучше расскажи мне, что за краля у тебя появилась. Да не бойсь, не буду я палки в колёса вставлять. Если по-честному всё, по-настоящему, то я только «за»...

– Хорошая женщина, Коль, душевная такая, – Валентин стряхнул с себя оцепенение, достал из кармана карточку и протянул Кольке. – Вот карточку прислала на прошлой неделе. Карточка, правда, странная, старая, наверное – видишь, тут кто-то сидел с ней рядом, кусок пиджака торчит. Как будто отрезала кого-то. Но зато она тут молоденькая такая, симпатичная очень. Но не это главное, Коль. Главное, что понимающая! Пишет: «Мне важно, чтобы человек ты был непьющий, хозяйственный, чтобы всё в дом приносил, уважал чтобы...» Ты понимаешь, не осуждаю тебя, Валентин, говорит, ошибки со всяким случаются...

Колюха смотрел на протянутую фотку и не слышал, что говорит ему приятель. С обрезанной фотокарточки на него с нежной и радостной улыбкой смотрела его змеюка-жена, Елена, Алёнушка, тварь бессердечная, сучка развратная... У самого края карточки торчал кусочек его, Колькиного пиджака. На годовщину фотографировались... Давно это было, точно не меньше пятнадцати лет...

Кровь ударила Колюхе в голову, стало тяжело дышать. Он потянул ворот рубахи и услышал голос Валентина, который говорил так обстоятельно, как будто не про личное рассказывал, а доклад на собрании читал...

– Пишет, что и сама тоже ошибалась, и раскаивалась сильно, и жалела потом, только поздно было. И за последние годы поняла многое, и многое обдумала. Говорит, главное, чтобы человек был с добрым сердцем, а сколько денег у него в кармане – неважно... И вроде искренне всё говорит, понимаешь... Ну, как она тебе, Коль?

Колюха протянул фотокарточку Валентину, поднялся, взял свои сигареты, сунул одну в рот, зажал её зубами и сказал сдавленно, без всякого выражения:

– Нормальная баба, Валь, ничего так. Ты пиши ей, пиши. Время покажет...

Два письма

...В один и тот же декабрьский день, где-то накануне Нового года, когда немногие оставшиеся романтики посылают друг другу нарядные красочные открытки с новогодними пожеланиями, к почтовому ящику подошли двое, Он и Она. Каждый из них нёс в руке конверт с письмом.

Она, прежде чем опустить письмо в почтовый ящик, ещё раз перечитала адрес на конверте, с лёгким удовлетворением отметив про себя, что все слова и цифры написаны красивым ровным почерком без ошибок и помарок. Он на письмо не смотрел, просто торопливо сунул его в узкую щель ящика, поднял воротник и быстро пошёл прочь.

Её письмо попало на почту только на следующий день, потому что в Борисоглебске выемка корреспонденции производится один раз в день, по утрам. Его письмо отправилось в путь уже через пару часов, потому что Питер – продвинутый город, и почта там работает оперативно. Всё-таки вторая столица, как-никак...

Первое письмо

"Дорогой Вадик, извини, что беспокою тебя... Всё-таки 5 лет прошло, много воды утекло, ты уже, наверное, почти и не помнишь меня – глупую наивную девчонку, которой когда-то писал нежные письма...

Интересно, как ты живёшь сейчас? Впрочем, меня это, конечно, не касается, я лишила себя права интересоваться твоей жизнью. Не знаю, простил ты меня или нет, но мне очень хочется, чтобы простил. За этим, собственно, и пишу тебе...

Время от времени мне вспоминается эта история, и на меня сразу же обрушивается чувство вины. Ведь всё-таки был у нас целый год нежной переписки! Были совместные планы, надежды, мечты! Помню всё: как обещал забрать меня с собой, когда освободишься, как хотел взять под свою защиту, укрыть от неприятностей и жизненных бурь...

Я поступила как предательница. Перед твоим освобождением рассказала про нашу историю сестре. Она меня высмеяла, сказала, что я просто дура, что связалась с эком, что наша семья никогда не примет уголовника...

Я испугалась, посмотрела на наши отношения её циничными глазами, и мне показалось, что она права... Знаешь, я ведь была тогда на вокзале. Видела, как ты ждёшь меня. Ты был такой бледный, с кругами под глазами, плохо одетый. Сейчас-то я понимаю, что ты не мог выглядеть по-другому сразу после освобождения...

А тогда подумала: «Вот стоит уголовник, который писал мне нежные письма под чужую диктовку и неизвестно, что у него на уме».

Прости меня за то, что так и не нашла в себе мужества, чтобы подойти к тебе и хотя бы поговорить. Я искренне сожалею об этом.

Так получилось, что совсем недавно я встретила человека, которого полюбила. И по какой-то жестокой иронии судьбы он тоже оказался бывшим эком, оставившим в тюрьме больше десяти лет своей жизни. Я узнала об этом уже после того, как полюбила его. Он замечательный человек, он предназначен мне Судьбой. Но, впусив его в своё сердце, я одновременно впустила туда и чувство вины. Вины перед тобой.

Я больше не думаю, что все эки пишут нежные письма женщинам под чужую диктовку. Я не думаю, что все, кто сидит или сидел в тюрьме – это конченные люди. Во всяком случае, ты был не такой. И от мысли, что моя трусость и слабость могла уничтожить в тебе остатки простых человеческих чувств, перечеркнуть в тебе веру в настоящие отношения между женщиной и

женщиной, не зависящие от обстоятельств и условностей, мне становится больно и страшно. Страшно от того, что я натворила. По-настоящему.

Прости меня, Вадик. Прости, прошу. Я очень хочу, чтобы ты был счастлив. И знаю, что не смогу быть полностью счастливой, если ты не простил меня.

Алёна."

Второе письмо

"Здравствуй, Алёна!

Странно, что мне вдруг захотелось написать тебе через несколько лет после нашей истории. Если она была, конечно, "наша история"... Иногда вспоминаю о том, как мы писали письма друг другу, как я ждал этих маленьких листочков бумаги, сверху донизу исписанных твоим мелким почерком...

Для меня это было как дыхание свободы, как весточка счастья из большого светлого мира. А недавно нашел твою фотографию в бумагах. И вспомнил тот ужасный день на вокзале, когда ты не пришла. Сначала думал: ты опаздываешь, потом волновался – не случилось ли чего. А когда понял, что ты не придёшь – как будто провалился в чёрную яму, просто перестал видеть и слышать.

Я не виню тебя, Алена, нет! На самом деле я пишу тебе, чтобы поблагодарить за то, что ты тогда не пришла.

Наверное, мне надо было пройти через все ступени отчаяния, чтобы заслужить настоящее счастье и оценить его. Долгожданная свобода отправила меня в нокаут практически в первый день. Но если бы не этот удар, я бы вряд ли выстоял и вытерпел всё то, что ждало меня впереди: отсутствие работы, жестокость родных, безденежье, непонимание, одиночество.

Да я и не выстоял. Через два месяца после освобождения поехал за город, к морю – хотел вскрыть себе вены и утопиться, дурак. И почти осуществил задуманное. Меня спасла женщина. Студентка-художница, которая писала пейзаж неподалёку. Она перевязала мне изрезанные руки куском своей туники и проговорила со мной несколько часов, не выпуская моей руки ни на минуту.

Эта женщина сейчас моя жена. И если бы ты пришла тогда ко мне на встречу, я никогда бы её не встретил и никогда бы не узнал, на что похоже настоящее счастье.

Моя история со счастливым концом. Я благодарен за это Богу, Судьбе, и тебе, Алена.

Желаю тебе большого счастья, пусть Бог хранит тебя!

Вадим".

Несколько дней письма путешествовали по российским просторам, тряслись и покачивались, двигаясь навстречу друг другу в ящиках с почтой, в синих грузовиках с логотипом «Почта России», в почтовых вагонах.

В один из дней своего путешествия, практически в канун Новогодней ночи, они встретились – неподалёку от подмосковной станции Ожерелье, где поезда, в которых они ехали, на курьерской скорости промчались друг мимо друга.

Благополучно миновав Ожерелье, два письма начали удаляться друг от друга, и больше уже никогда не встречались.

Без права на любовь

...Суд состоялся только через десять месяцев. Дело было сложное, запутанное, с большим количеством подсудимых, следствие виляло и разматывалось, как укатившийся не пойми куда клубок ниток. Поэтому никто не удивился, когда дело отправили на следствие.

Подсудимые – а всего их было восемнадцать – потихоньку привыкали к новым условиям жизни, обрастали знаниями о тюремной жизни, адаптировались. За десять месяцев следствия и месяц суда из пятнадцати женатых холостыми стали двенадцать. Трое счастливиц, которых не бросили жёны, отчаянно цеплялись за любую возможность снизить свою роль в рассматриваемом деле, все остальные практически опустили руки.

Все, кроме Александра. Саньки, Сашки, Шурика, Сан Саныча, или просто Алекса – как звала его братва. Его жена продержалась дольше всех – десять месяцев – носила передачи, встречалась с адвокатом, поддерживала мать, писала ободряющие письма.

Когда же после первого суда стало ясно, что Алексу, судя по всему, светит пожизненное, прекрасная Елена всплакнула, поистерила неделю-другую и, не сказав последнего «прости», тихонечко подала на развод.

Если Алекс и переживал, то этого не увидел никто. Железобетонный генератор идей, а по выводам следствия ещё и организатор банды, вёл себя, как и раньше: с сонным спокойствием и напускным безразличием. Умеренно сотрудничал со следствием, давал показания, почти не глядя подписывал протоколы допросов. По утрам делал зарядку, днем размышлял о чем-то, по вечерам веселил сокамерников шутками-прибаутками. И так изо дня в день.

Всё изменилось, когда вместо старого адвоката, нанятого бывшей уже женой, к нему пришла женщина-юрист, назначенная судом. Звали её Татьяна Александровна, и была она невысокая спортивная дама лет 30-ти, с короткой мальчишеской стрижкой и пронзительными синими глазами. Их первая встреча настолько врезалась в память Алексу, что о ней стоит упомянуть отдельно.

– Давайте знакомиться, – сказала симпатичная адвокатша и протянула Алексу руку.

Этот простой жест, естественный для мужчины, почему-то ошеломил Алекса, и он на секунду замешкался, прежде чем подать руку в ответ. Её пожатие было не по-женски сильным и уверенным. Он с внезапным стыдом подумал, что уже два дня не брился.

– Меня назначили для Вашей защиты, и я собираюсь Вас защищать, – она выделила интонацией последнее слово. – С материалами дела я почти ознакомилась, но у меня остались кое-какие вопросы лично к Вам.

Сев на стул напротив Алекса, Татьяна Александровна наклонилась над своим необъятным журналом-еженедельником и перешла к делу. На ней был шерстяной брючный костюм серого цвета со строгим пиджаком, но когда она наклонялась, в вырезе розовой блузки, надевшей под пиджак, угадывалась уютная ложбинка груди.

Он смотрел на неё и чувствовал, как в душе разливается спокойствие. Как будто в сердце мерно и умиротворяющее затикали домашние ходики. И это была не просто близость симпатичной женщины, которая как-то раззадоривала и одновременно размягчала после долгих месяцев переживаний и отсутствия женского общества. От неё исходила какая-то неуловимая волна спокойной уверенности и симпатии. «Как будто сердце дома», – подумал Алекс и попытался сосредоточиться на том, что говорила Татьяна.

Прощаясь, она снова протянула ему ладонь для рукопожатия и спросила, не принести ли чего на следующую встречу: сигарет, например, или шоколадку. Он с удивлением подумал, что она – первая женщина, которой он пожимает руку, вот так просто, почти по-приятельски, и вдруг ему захотелось удержать эту руку в своей как можно дольше. На какое-то мгновение он даже забыл, где находится...

С этого дня жизнь Алекса неуволимо изменилась.

Во-первых, он всегда теперь был гладко выбрит. Во-вторых, круговорот мрачных мыслей в его голове как-то поутих, уступив место робким размышлениям о том, что может у него ещё быть хоть какой-то шанс на нормальное человеческое будущее. Ну и в-третьих, симпатичная адвокатша с мужским рукопожатием как-то медленно, но верно заняла в его мыслях центровое место.

Не сразу, совсем не сразу он понял, в чем дело. А когда понял, испугался. Пожалуй, даже сильнее, чем когда его скрутили в офисе омонотцы и стало ясно, что преступная пирамида накрылась, а вместе с ней и свобода, и наполеоновские планы.

Он влюбился. Эта простая мысль не укладывалась в голове. Ей было там реально тесно. Влюбился! Да, обычное явление, миллионы людей ежедневно влюбляются в этом подлунном мире. Но только не в тюрьме, не на пороге пожизненного заключения и не в адвоката, которого государство, намеревающееся засадить тебя на полную катушку, прислало тебя же и защищать...

Несмотря на всю шокирующую безнадежность сделанного им открытия, Алекс заметно повеселел. Он всё больше шутил, вслух подбадривал сокамерников шутками-прибаутками, а про себя придумывал разные комплименты для Татьяны, некоторые из которых он даже несмело озвучивал на их встречах, почти ежедневных. Встречи становились всё теплее, а приветственно-прощальные рукопожатия всё дольше. И вот, спустя три месяца после первого знакомства, Алекс – ещё не веря в такую невероятную возможность – вдруг понял, что его чувства взаимны. А произошло это так.

Стояла глубокая осень. Единственной возможностью подышать воздухом были ежедневные получасовые прогулки по тесному дворику СИЗО. После встречи с Татьяной Алекс стал выходить во дворик ежедневно. На прогулках он отжимался, прыгал, приседал – хотелось вернуть былую физическую форму. И, видимо, вспотев на одной из таких вылазок, подхватил простуду, да такую, что уже через три дня загремел в тюремный лазарет с воспалением лёгких. Встречи с адвокатом временно приостановились. Когда наконец-то его вернули в обычную камеру, ОНА пришла на следующий же день.

Этот день и стал началом их любви. Теперь уже взаимной.

Она была взволнована, а её приветственное рукопожатие показалось ему дольше и сильнее обычного. Прежде чем приступить к работе с делом, она расспросила его о самочувствии, задав целую кучу не относящихся к делу вопросов. На его робкое "Я думал, Вы придете в санчасть..." она ответила, что несколько раз пыталась прийти, но администрация отказывала ей под надуманными предлогами. Тюремный лазарет не то место, куда любят пускать посторонних...

Слова были обычными, нейтральными, но она смотрела на него с такой нежной радостью, что у него вдруг ёкнуло сердце. "Она тоже любит меня, любит!" – пронеслась в голове неслыханно наглая, обжигающая мысль.

Через окно-зеркало на них смотрело несколько пар чужих равнодушных глаз. Разговоры не должны были прослушивать, но стопроцентной гарантии не было.

Был только один способ проверить, не обманулся ли он в своих чувствах.

– Татьяна Александровна, у Вас есть чистый лист бумаги? Я тут пока болел, составил обращение одно... мне бы записать, пока не забыл...

Она развернула к нему свой огромный журнал для записей, дала ручку и сказала: "Пишите прямо здесь, Саша". И это "Саша", впервые произнесенное ею, ещё раз заставило сердце вздрогнуть.

Он взял ручку и написал первую строчку: "Я вдруг проснулся среди тюремного кошмара..."

Она пришла домой только вечером. Поцеловала мужа дежурным поцелуем, поставила чайник и достала свои бумаги. Рукам не терпелось открыть ежедневник, поскорее прочитать, что же написал ей Саша, который вот уже несколько месяцев занимал её мысли гораздо сильнее, чем может подзащитный занимать мысли своего адвоката.

Однако она медлила. Заставляла себя терпеть. Вышла на балкон, медленно раскурила сигарету, полюбовалась на вечерний город.

– Танюша, чайник кипит! – крикнул из комнаты муж.

– Да, да, иду, – ответила она машинально и вернулась на кухню.

Насыпала в чашку кофе, залила кипятком, вдохнула горячий аромат.

И только после этого открыла страницу, исписанную ЕГО подчерком.

Это было стихотворение.

Она ещё раз глубоко вздохнула и начала читать.

«Я вдруг проснулся среди тюремного кошмара...

Луна светила сквозь решётку мне.

Юлой вращались мысли – эту кару

Бог неспроста послал на долю мне.

Летал по жизни гоночной машинкой...

Юдоль земную представлял пушинкой...

Теперь всё по-другому: дни и ночи

Едва ползут, засовами скрипя,

Бредут по кругу, душу мне мороча,

Я как во сне – не чувствую себя.

Такое чувство, будто среди ночи

Алеет моё сердце, как костёр.

Наверно, в жизнь оно прорваться хочет,

Ярлык с меня сорвать позорный «Вор»!..

"Хорошее стихотворение", – подумала Татьяна. – Но почему он написал его мне? Что он хотел им сказать? Что жалеет о том, что попал в тюрьму? Что раскаивается, страдает? Но ведь это и так понятно... Я что-то пропустила".

Она перечитала стихотворение ещё раз, потом ещё. И вдруг её пронзило, как током! Заглавные буквы, с которых начинались строчки, прочитанные сверху вниз, ясно складывались в слова, придавая стихотворению совсем другой смысл. Да, оно было о тоске лишённого свободы человека, о позднем раскаянии и сожалении об упущенном... Но ещё оно было о его чувствах к ней! "Я люблю тебя, Таня!" – оглушительно кричали ей заглавные буквы, и она теперь видела это совершенно отчётливо.

Как описать то, что было дальше? Как рассказать о немислимом сумасшествии двух взрослых людей, вдруг оказавшихся втянутыми в воронку настоящего чувства? Как выразить обычными словами их эмоции, поток которых не могли остановить ни решётки, ни противоречивый статус «защитник-подследственный», ни явная безнадёжность их положения?

Она видела в нём красивого, дерзкого, умного мужчину – сильного, но запутавшегося и дрогнувшего под прессом навалившихся на него обстоятельств.

Он видел в ней трогательную, тонко чувствующую женщину, одевшуюся в адвокатские доспехи, чтобы спрятать свою слабость и уязвимость под униформой силы и уверенности. Она читала в его глазах невероятную нежность, желание обнять её и спрятать от всех, и её сердце застывало в отчаянии, потому что она пыталась найти хоть какую-то лазейку в материалах дела, чтобы смягчить его будущее, и не находила – ему светило пожизненное заключение.

Он научился разглядывать в умело подкрашенных глазах следы ночных слез и бессонницы, и ещё научился читать по губам те слова, которые она ему беззвучно шептала при встрече: «Доброе утро, милый», «Я скучала по тебе, очень», «Саша, Сашенька»...

Отношения осложнялись тем, что они встречались только в адвокатской комнате, которая просматривалась, и, скорее всего, ещё и прослушивалась. Как-то проявлять свои чувства было категорически нельзя. И эти внешне тщательно подавляемые чувства бушевали и сжигали их изнутри, заполняя душу болью и каким-то горьким счастьем.

Они писали друг другу письма, тихонько шептались, склоняясь над материалами дела, и их лёгкие, практически незаметные для постороннего взгляда прикосновения доводили обоих почти до иступления. Каждый раз она приносила ему какие-то мелкие подарочки, то, что можно было взять с собой не вызывая нареканий: маленькие шоколадки, конфеты, пакетики с чаем, яблоки, сигареты...

Он писал ей стихи, много стихов, почти к каждой встрече. Страстные, иступленные, горячие, искренние. Никогда раньше не подозревал он, что у него есть поэтический дар...

Через полтора месяца этих сладостно-мучительных отношений им выпала счастливая карта. Коротенькое свидание без свидетелей. Двадцать две минуты наедине, без подслушивающих и подглядывающих...

– Меня на завтра следователь вызывает, – сказал Саша ей накануне, – в прокуратуру повезут.

– Я знаю, я тоже там буду, – ответила Татьяна. – Попрошу, чтобы мне дали возможность переговорить с тобой наедине. Там есть специальные комнаты... Без аппаратуры.

И она посмотрела на него особенным взглядом.

Он сразу понял, что взгляд особенный, буквально почувствовал всеми клеточками своего тела, которые как будто разорвались на тысячи маленьких невидимых фейерверков после слова «наедине».

Следователь вызывал для закрытия дела. Следственные мероприятия были закончены, пора было передавать материалы в суд. Ещё один суд, ещё одна нервотрёпка, ещё одно выворачивание наизнанку. И, скорее всего, приговор, на этот раз окончательный. И он уже не увидит Её так близко. Может быть, вообще никогда уже не увидит...

Но до этого у них будет свидание. *Наедине*. Боже, как она это сказала! Ни одна кровинка в лице не дрогнула! Какая женщина! И это «наедине» будет завтра!

Это была его первая и последняя ночь в СИЗО, во время которой он так и не смог уснуть. Даже в самые худшие и отвратительные дни, когда хотелось наложить на себя руки от роковой безысходности и отвращения к этим стенам, сон всегда являлся к нему утешительным спасением и средством забвения, помогавшим на утро взглянуть на ситуацию чуть-чуть по-другому...

Но в эту ночь, ночь «накануне», он так и не смог заснуть. Лежал с закрытыми глазами и представлял, как пройдет это их первое и, вполне вероятно, единственное «наедине»...

И вот наступило утро этого особенного дня. С самого начала день пошёл не так.

Сначала почти на час опоздал конвой. Ещё полчаса было потеряно на оформление передачи подследственных под юрисдикцию прокуратуры. Следующая досадная задержка произошла у здания прокуратуры, где собралось с десятков журналистов, жаждущих поснимать обвиняемых по громкому делу и получить парочку свежих пикантных комментариев. Начальник конвоя минут пятнадцать переговаривался с кем-то по рации, после чего дал водителю команду ехать к другому входу в здание. Всё это время внутри у Алекса клокотал вулкан эмоций, выдаваемых только каплями пота на лбу и едва слышным поскрипыванием зубов.

Следователь продержал его почти два часа. За это время были просмотрены документы только по двум эпизодам из шести... Эти два часа показались Алексу вечностью. Было странное ощущение, что время разбухло, как напитавшаяся пылью вата, и тянется чудовищно, нечеловечески, нереально медленно. В конце концов, следователь сдался и сказал: «На сегодня всё. У Вас ещё будет встреча с Вашим адвокатом. Мы задержались, поэтому более детально вы с

ней сможете обсудить материалы следствия в СИЗО». Алексу показалось, что у него с минуты на минуту закипит кровь, настолько невыносимым стало это затянувшееся ожидание.

Конвойный отвёл его в небольшую пустую комнатку с зарешеченным окном, с одиноким столом посередине и несколькими стульями вокруг. Александр стоял посреди комнаты и ждал, переминаясь с ноги на ногу.

Ровно через минуту в коридоре послышался приближающийся перестук каблучков. Его сердце мгновенно перестроилось на этот стремительный неровный ритм.

«Снимите с него наручники», – повелительно сказал такой знакомый, любимый голос. На пороге стояла Татьяна. Конвойный снял с Алекса наручники и вышел. Татьяна закрыла дверь на ключ и шагнула к нему навстречу.

С этой секунды медленное тягучее время вдруг встрепенулось и понеслось как безумное, взрывая мозг, ускоряя сердцебиение до несовместимого с жизнью ритма, ломая стрелки в часах...

Воспоминания о том, что произошло дальше, отложились у Алекса в памяти хаотично и сумбурно, как обрывки какого-то старого фильма. Вот они целуются, как безумные, лихорадочно обнимая друг друга... Вот он гладит её обнажённую грудь, сходя с ума от долгожданного ощущения тёплой упругости у него в ладонях... Вот её руки гладят его тело – сильно, быстро, жадно... «Она в любви такая же, как в своём рукопожатии», – пронесётся где-то далеко смутная мысль, и всё снова погружается в туман чувственных прикосновений... Вот он жадно целует её, везде, где успеваешь увидеть полоску загорелой кожи...

Сколько это продолжалось они не смогли бы сказать. Минуту? Час? День? Вечность? Они не сказали друг другу ни слова, не проронили почти ни звука, любили друг друга молча, не тратя время на ненужные слова, которых уже достаточно было сказано и написано друг другу... Две измученные запретной любовью души встретились и впились друг в друга, танцуя какой-то неподвластный логике танец страсти.

А между тем в дверь стучали. И уже достаточно долго.

– Татьяна Александровна, Татьяна Александровна, у вас там всё в порядке? Откройте, уже всех на отправку собрали, больше нет времени...

Они насилу вернулись в реальность. Самым трудным было оторваться друг от друга. Но выбора не было. Кое-как за несколько секунд приведя в порядок платье, Татьяна повернула ключ в замке, открыла дверь и, отвернувшись от конвойного, сказала в его сторону чужим безжизненным голосом: «Выводите».

На большее у неё не хватило сил. Она так и стояла спиной к двери, когда он проходил мимо, на мгновение ещё раз погрузившись в дурманящую волну её запаха. Она даже не посмотрела в его сторону. Просто из чувства самосохранения, которое под страхом смерти требовало держать себя в руках.

Выходя, он бросил взгляд на настенные часы. Они провели вместе 22 минуты. Всего двадцать две! Просто ничто, мгновение, миг...

И именно этот миг привёл их к катастрофе, разразившейся через два дня. Как знать, не будь этого безумного свидания, этого невероятного по силе взрыва чувственности, возможно, их любовь не привела бы к таким жестоким последствиям...

Следующая встреча состоялась через два дня, в СИЗО. Она пришла с материалами по двум главным эпизодам, которые составляли основу обвинения. До суда оставался месяц, надо было готовиться, однако обсуждать протоколы не было ни сил, ни желания.

Они сидели друг напротив друга, склоняясь над папкой с документами, и молчали. Он тихонько поглаживал её ладонь, прикрыв её страницей какого-то протокола, она смотрела ему в глаза...

Несколько вечностей спустя она отняла руку, чтобы уже через секунду вернуть её обратно и вложить в его пальцы записку. «Я написала тебе стихи, впервые в жизни», – сказала она беззвучно, одними губами.

Он понял, и в его сердце запульсировала безграничная нежность, которой не хватало места внутри – она изливалась из глаз, заставляла дрожать руки, растягивала губы в ласкающей мягкой улыбке...

«Она написала... мне...» – душа ликовала и пела что-то неуловимое, непонятное, невообразимое. Никогда ещё ни одна женщина не писала ему стихи, ни одна из его многочисленных любовей, подружек и жён.

Когда его уводили из адвокатского кабинета, он был счастлив. По-настоящему. Но судьбе было угодно низринуть его в грязную зловонную яму отчаяния именно в эту минуту счастья, именно тогда, когда тюремные стены вокруг него раздвинулись, и его Душа наконец-то осознала невероятную красоту мироздания...

Милицейская смена, дежурившая в тот день в СИЗО, отличалась особой дотошностью. И надо же было такому случиться, что сержант из этой смены вдруг заметил в руке у Алекса тонко свёрнутую бумажку. А поскольку тот витал в облаках и не был готов к неожиданной агрессии, то даже не успел понять, что произошло. А произошла катастрофа: бумажка оказалась в руках у ловкого сержанта.

За долю мгновения Алекс осознал возможные последствия и с криком «Ах ты, сука!» бросился на парня в форме.

Его скрутили, несмотря на его бешеное сопротивление, затолкали в карцер и, прежде чем захлопнуть дверь, надавали приличных пинков. Что он чувствовал в тот день, вечер и ночь, нам лучше не знать.

На следующий день Татьяну вызвал к себе председатель коллегии адвокатов, в которой она работала и начал расспрашивать, как продвигаются дела по выстраиванию линии защиты обвиняемого по громкому делу.

– Вы же понимаете, Татьяна Александровна, дело получило широкий общественный резонанс, уже под три десятка журналистов получили аккредитацию на освещение судебных заседаний... Из любой ерунды они готовы будут раздуть сенсацию, а уж при малейшей оплошности нас просто размажут. Репутация всей нашей коллегии поставлена на карту этим делом, так сказать...

Татьяна внимательно смотрела на лысоватого юриста с седыми висками, который мерно ходил по кабинету туда-сюда, и не могла понять, к чему он клонит.

– У нас всё более-менее нормально, ситуация, конечно, у Александра заведомо проигрышная, но думаю, нам с ним удалось найти несколько новых смягчающих обстоятельств, которые я собираюсь огласить на слушании...

– Что ж, неплохо, – продолжил председатель. – Смягчающие обстоятельства – это очень даже неплохо. Только смотря какие... Как Вы, например, считаете, романтическая любовь за решёткой – это смягчающее обстоятельство? А? Мне кажется, на каких-нибудь сентиментальных присяжных подобная история вполне могла бы подействовать...

– Вы это сейчас о чём? – у Татьяны перехватило дыхание.

– Ну вот хоть об этом... – председатель театрально откашлялся и произнёс с демонстративными сценическими завываниями:

«Я грешная сегодня, я шальная,
Забывшая про стыд и предрассудки,
И жаждущая страстно той минутки,
Когда забудусь, твоё тело обнимая...»

– Каково, а?! – продолжил он уже своим обычным голосом. – Просто Петрарка и Лаура, только за тюремными решётками.

У Татьяны кровь отлила от лица. Комната вокруг куда-то поплыла, в горле пересохло, а кто-то нехороший и злой вонзил прямо в сердце раскалённую иглу. Откуда-то из внешнего мира раздавались бессмысленные слова, никак не желающие складываться в осмысленные фразы:

– Надеюсь, Вы понимаете, Татьяна Александровна, что Ваше поведение недостойно звания юриста. У Вас только один вариант выйти без потерь из этой истории – положить удостоверение адвоката мне на стол, прямо сегодня... Если же у Вас нет такого желания, я завтра же соберу коллегия адвокатов, и мы всем коллективом все вместе обсудим сильные и слабые стороны Вашего литературного таланта. Вы меня должны благодарить, за то, что я не стал раздувать скандал из этой дурно пахнущей истории... У начальника СИЗО прямо руки чесались обнародовать Ваше творение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.